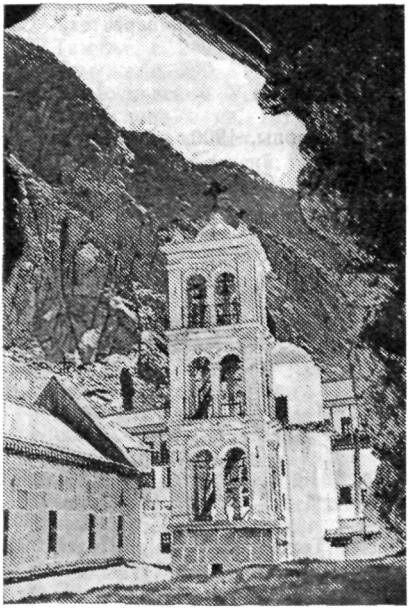
Иеромонах ИСАИЯ (Белов)
Троице-Сергиева Лавра

Н. П. КОНДАКОВ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА СИНАЕ

«Богошественная» гора Синай и находящийся у ее подножия монастырь св. Екатерины издавна привлекали к себе внимание паломников со всех концов света. Обширная библиография — около 700 наименований, собранная в начале нашего столетия известным русским ученым проф. В. Н. Бенешевичем (6), убедительно свидетельствует, что во все века не угасал интерес к этому священному месту, где Бог впервые явился пророку Моисею в Неопалимой Купине (Исх., 3), где избранный народ получил заповеди Десятисловия (Исх., 24, 31, 34), где пророк Илия удостоился явления Господа в веянии тихого ветра (3 Цар. 19, 11—12). Как гласит христианское предание, сюда, на одну из гор, окружающих Синай, ангелы перенесли тело святой великомученицы Екатерины, пострадавшей в начале IV в., а спустя два столетия по повелению императора Юстиниана (527—565) здесь был воздвигнут монастырь, существующий и доныне и являющийся, по-видимому, древнейшей иноческой обителью мира.



Монастырь святой Екатерины на Синае

С XVI в. Синайский монастырь посещают путешественники из России; скромные, непритязательные и вместе с тем благоговейные, полные благочестивого усердия, они оставили благодаря ясному уму и твердой памяти много интересных и поучительных описаний своих впечатлений об этих святых местах. Примерно с середины XIX в. среди паломников начинают преобладать ученые, соответственно в их путевых записках помимо живого и увлекательного описания самих путешествий появляются ценные для науки сведения из истории монастыря и его окрестностей, квалифицированные суждения о памятниках древней архитектуры и старинных иконах, обстоятельные исследования драгоценных по своей древности рукописей, хранящихся в монастырской библиотеке. Синайский монастырь — это поистине жемчужина для мировой науки — к такому выводу пришел известный русский литургист проф. А. А. Дмитриевский, побывавший в обители в 1888 г. Вот его собственные слова: «Древность монастыря... его отдаленность и заброшенность в пустыне, его в высшей степени поучительная длинная история, в которой действующими лицами являются люди разных национальностей, языка и даже вероисповеданий — все это давало обители своеобразную окраску и дразнило ученое любопытство заманчивой надеждой здесь именно обрести такие научные сокровища, какие бесследно исчезли в других обителях Православного Востока и Запада, подвергавшихся многочисленным превратностям мировых исторических катастроф» (8, с. 206). Со вполне понятным удовлетворением А. А. Дмитриевский отмечает, что ученому миру сокровища Синая «сделались ведомы главным образом... через русских ученых»; он называет их имена: знаменитый исследователь Востока,

эрудит епископ Порфирий (Успенский), многолетний начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин), известный исследователь грузинских рукописей проф. Л. А. Цагарели, академик Н. Я. Марр, профессора А. А. Васильев, И. А. Карабинов и другие (8, с. 207). К этой же блестящей плеяде принадлежит и академик Н. П. Кондаков, синайским исследованиям которого и посвящена данная работа.

Несколько слов о личности самого ученого.

Никодим Павлович Кондаков родился в 1844 г. в Новооскольском уезде, Курской губернии[1]. Отец его был крепостным князя Трубецкого, долгое время управлял имением своего помещика, а потом был отпущен на свободу. Первоначальное образование Кондаков получил в приходском училище в Москве, а затем поступил в гимназию. В 1861 г. по окончании гимназии Кондаков становится студентом историко-филологического факультета МГУ. Здесь он с особым интересом слушал лекции Ф. И. Буслаева по истории литературы. Вообще Буслаев оказал на него очень сильное и благотворное влияние, именно он привил Кондакову интерес к византийскому искусству — совершенно неисследованной тогда области, именно от него Кондаков воспринял основу своей творческой концепции: правильное понимание древнерусского искусства невозможно без глубокого изучения древнехристианского искусства вообще, и в особенности византийского. Можно сказать, что под влиянием Буслаева Кондаков и сформировался как специалист, несмотря на различие их по возрасту, складу характера и даже по области занятий: Буслаев был филологом, а интересы Кондакова сосредоточились в области археологии.

По окончании университета (в 1865 г.) Кондаков преподавал русский язык и литературу в московских средних учебных заведениях. Он много занимается в это время самообразованием, тщательно изучив, например, монографию Г. Мюллера об античной художественной культуре. В 1866 г. появляются его первые публикации — 3 статьи в сборнике Общества древнерусского искусства («Древнехристианские храмы», «Православное искусство в Сербии», «Англо-саксонский крест VIII столетия»). В 1867 г. состоялась его первая поездка за границу — в Германию — для знакомства с античным искусством.

В 1870 г. Кондаков получает в Новороссийском университете кафедру теории и истории искусств. Его вступительная лекция 3 сентября 1871 г. — «Наука классической археологии и теории искусств» — явилась программой всей его последующей деятельности. Проанализировав основные направления развития изучения истории искусства в Европе за последние 30—40 лет, он убедительно показал, что теория искусства должна быть в органической взаимосвязи с его историей, именно тогда абстрактные эстетические категории наполняются живым, конкретным историко-художественным материалом.

В 1873 г. Кондаков защитил в МГУ магистерскую диссертацию на тему «Памятник Гарпий из Малой Азии и символика греческого искусства. Опыт исторической характеристики». В этой работе он проявил себя уже как сложившийся ученый, самостоятельно мыслящий и обладающий огромной творческой интуицией.

В это же время начинается серия поездок Кондакова в Западную Европу и на Восток, продолжавшихся почти два десятилетия. В 1873 г. он едет во Францию и в Англию, в 1874 — на Кавказ, в 1875—1876 гг. — в крупнейшие города Европы, в 1878 — на Кубань, в 1880 — в Египет и Грецию, в 1881 — на Синай, в 1880—1886 гг. — 4 поездки в Константинополь, в 1889 — снова в Грузию, в 1891 — в Сирию и Палестину, в 1898 — на Афон и в славянские страны, в 1900 — в Македонию (см. 11, с. 92). Сам Кондаков придавал исключительное значение этим поездкам, так как они давали ему колоссальный фактический материал, постоянно обогащали его и без того обширные познания новыми, свежими данными.

В 1876 г. публикуется один из самых значительных трудов Н. П. Кондакова «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» (Одесса, 1876). Этот труд, явившийся его докторской диссертацией, характерен тем, что здесь впервые Кондаков применил свой оригинальный иконографический метод. Затем стали появляться и другие работы (см. 12, с. 11—12), свидетельствовавшие о постоянном творческом росте ученого.

С 1888 г. начинается новый период жизни и деятельности Кондакова. Его приглашают в Петербург, здесь он становится профессором университета, одновременно занимая должности — старшего хранителя в Эрмитаже, члена Археологической комиссии, члена Русского Археологического общества, профессора истории искусств на Высших женских курсах. В 1898 г. Н. П. Кондаков был избран академиком Российской Академии Наук.

Его научная деятельность в этот период была по-прежнему плодотворной. Выходят в свет его новые капитальные труды — «Памятники христианского искусства на Афоне» (1902), «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине» (1904), «Македония» (1909). Уже перед первой мировой войной появляются самые значительные его работы — «Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения» (СПб., 1911) и большая двухтомная «Иконография Богоматери» (1914—1915 гг.). Третий том этой работы был закончен уже в 1918—1919 гг.

Помимо чисто научной деятельности, Н. П. Кондаков в это время активно занимается и практическими вопросами в области искусства. Он принимает участие в выработке устава Академии художеств (членом которой он состоял), в 1901 г. он назначается управляющим делами Комитета попечительства о русской иконописи. По его инициативе в иконописных селах Владимирской и Курской губерний были открыты иконописные мастерские, им было предпринято издание лицевого иконописного подлинника, предназначенного для практического пользования иконописцами. К сожалению, вышел только первый том этой обширной работы, посвященный иконографии Иисуса Христа (СПб., 1905).

Последний, третий период своей жизни Н. П. Кондаков провел за рубежами Родины. Вообще, надо отметить, сырой петербургский климат был тяжел для него и летом он на длительное время выезжал на юг, в Крым. Уехав, по своему обыкновению, в 1917 г., он вследствие революционных событий оказался отрезанным от центра, в 1918—1920 гг. он находился в Одессе, в 1920—1922 гг. — в Софии. Отсюда Н. П. Кондаков переезжает по приглашению Пражского университета в столицу Чехословакии, где до самой кончины (1925) читает лекции по средневековому искусству Восточной Европы. Здесь вокруг него собирается небольшой, но сплоченный кружок его учеников. Здесь же Никодим Павлович отпраздновал свой 80-летний юбилей, привлекший внимание ученых всего мира (материалы юбилея см. в книге «Никодим Павлович Кондаков, 1844—1924. К восьмидесятилетию со дня рождения». Прага, 1924). Несмотря на преклонный возраст, он, по-видимому, чувствовал подъем творческих сил. «Чем более я старею, — писал он в одном из писем, — тем более растет у меня желание пополнить свои пробелы» (цит. по 11, с. 147). Однако смерть не дала осуществиться многим его планам, к великому сожалению его коллег и всех любителей русской науки и искусства.

Познакомимся теперь вкратце с особенностями творческой концепции Н. П. Кондакова, с его, так сказать, индивидуальным «почерком» ученого. Разумеется, данная работа не претендует на подробное и достаточно компетентное изложение круга вопросов, связанных с характером научного направления Н. П. Кондакова — это задача скорее специалистов по археологии и искусствоведению (см., например, 11). Наша цель другая (и притом более скромная) — уяснить вклад ученого в разработку «синайской» темы, и именно под углом зрения синайских исследований Н. П. Кондакова мы и коснемся особенностей его творчества.

Метод Кондакова можно назвать «комплексным» или «системным»: рассматривая памятники древнего искусства, он уделял внимание не только анализу художественной формы как таковой, но и (и даже главным образом) изучению тех условий, в которых появился данный памятник, исследованию духовных импульсов художественного творчества. Согласно его концепции, «археологическая наука станет самостоятельною и решающею, когда, изучив памятники ради них самих, она поставит их в узле путей своего исследования, но, не ограничиваясь эстетическим анализом, осветит эти памятники изнутри их самих и извне данными быта, культуры и политической жизни» (цит. по 12, с. 19).

Необходимость изучения движущих сил национальной художественной культуры — это один из аспектов «системного» подхода Кондакова. Второй аспект — выяснение взаимосвязи национальных культур. Этой стороне своего метода Кондаков придавал большое значение. В одном из своих писем Никодим Павлович писал: «Моею мечтою было и будет подвести археологическую науку хотя на шаг к тому научному анализу, который в истории литературы дал такие блестящие результаты [2]... И в археологии возможна та же прочная историческая работа по изысканию переходов одной формы из места в место, по определению ее вариантов и их значения для целой культурной жизни местности и народа. Вот причины, по которым изучение русских древностей я считаю возможным только в среде древностей Востока и варварского или даже средневекового Запада» (4, л. 13). Эта концепция Кондакова получила позже название «теории влияний» (11, с. 114—117). Согласно этой теории, культуры разных стран и народов взаимосвязаны, причем это взаимное влияние не подавляет

национальной самостоятельности, а, наоборот, служит предпосылкой ее развития, залогом раскрытия творческих сил народа. Следуя этой концепции, Кондаков очень часто сравнивает между собой памятники различных национальных культур (мы увидим это при рассмотрении его синайских материалов) и этим сравнением умело пользуется для характеристики памятника.

В системе взаимных влияний национальных культур Н. П. Кондаков особо выделяет византийскую культуру, как оказавшую наибольшее влияние на общий ход исторического процесса развития европейского искусства и искусства стран Востока. В том и состоял особый успех его «системного подхода», что он сумел воспринять как единое целое весьма сложный комплекс памятников Константинополя, Малой Азии, Сирии, Палестины, Египта, Балканского полуострова, Кавказа, Италии и России. В эту же сферу так широко и так глубоко понимаемого им византийского искусства оказались включенными и археологические памятники Синая. Для нашей работы существенны следующие положения, разработанные Н. П. Кондаковым применительно к истории развития византийского искусства.

Во-первых, его периодизация этого процесса — от эпохи расцвета в VI—VIII вв., упадка в иконоборческую эпоху — VIII — середина IX в., нового расцвета с конца IX до XII—XIII в. и, наконец, нового упадка, приведшего в XV—XVI вв. к полному «разложению» византийского стиля (см. 12, с. 36—38).

Во-вторых, культуру христианской Византии Кондаков считал прямой наследницей культуры античного мира, и влияние античности, особенно сильное в IV—VI вв., усматривал и в значительно более поздние периоды (см. 12, с. 34—37; 11, с. 101).

В-третьих, Кондаков часто разграничивал искусство «столичное», центром которого был Константинополь и где это искусство существовало, так сказать, в «рафинированном» виде, и искусство народное или греко-восточное, впитавшее в себя многие элементы культуры соседних народов — коптов, арабов и т. п. (12, с. 33).

В-четвертых, Кондаков обращал внимание на «богословский характер» византийского искусства, на стилистическое родство изобразительного искусства и литературы, на соответствие, например, иллюстраций текстам священных книг (11, с. 101).

В-пятых, анализ художественных форм у Кондакова не всегда носит систематический, продуманный характер (11, с. 117), хотя и здесь им сделано немало — например, его способ исследования на основе так называемых «стилей» («звериный стиль», «греко-восточный», «арабский»), о которых часто идет речь при описании миниатюр синайских рукописей (1, с. 132—133).

Необходимо упомянуть также о стиле изложения Кондакова. Имея первоклассное филологическое образование, Никодим Павлович обладал незаурядным литературным даром, писал выразительно, ярко, живо и вместе с тем употреблял массу эпитетов. Вот, например, его описание миниатюр книги Иова из Синайской библиотеки: «многое в этих сценах смешно или забавно в своей детски грубой и наивной передаче, кони и верблюды походят на дешевые игрушки; рисунок и композиция слабы и беспомощны. Но то, чем сильно византийское искусство вообще, и здесь является с блестящей своей стороны: античные образы ангелов с их женственно-нежным овалом, с светло-лиловыми и голубыми одеждами, белыми лентами в волосах, просты и прекрасны» (1, с. 136).

Благодаря высоким литературным достоинствам стиля Кондакова его книги о путешествиях читаются с большим интересом, более того, по отзывам специалистов, «органичный сплав высокохудожественного и научного компонентов текста в книгах о путешествиях позволяет говорить о том, что талантом Н. П. Кондакова был создан особый жанр искусствоведческой литературы», а его книга о Синае названа «блистательной» (11, с. 153). Вместе с тем стиль изложения Кондакова не лишен и недостатков. Это, во-первых, некоторая сжатость его описаний, «телеграфность», по его собственному выражению, возникавшая из-за того, что он не всегда успевал глубоко прорабатывать огромный фактический материал. Во-вторых, его изложение слишком монотонно, главные мысли, как правило, не выделяются четко, есть длинноты, повторы. Отчасти это объясняется тем, что Кондаков диктовал свои произведения (12, с. 30).

Но в целом исследователи говорят об особом «очаровании» трудов Кондакова, о богатстве, гибкости, меткости его языка (11, с. 153).

Теперь обратимся к материалам синайских исследований Н. П. Кондакова. В основном они связаны с его поездкой на Синай в 1881 г. и изложены в книге «Путешествие на Синай в 1881 году» (Одесса, 1882). Помимо этого, однако, новая встреча Кондакова с Синаем — на этот раз заочная — состоялась через два десятилетия, когда он описал коллекцию Синайских и Афонских икон епископа Порфирия (Успенского).

Альбом рисунков с этих икон, сопровождаемый комментарием Н. П. Кондакова, был издан в 1902 г. (2).

Таким образом, изложение результатов синайских исследований Н. П. Кондакова в данной работе является фактически развернутой аннотацией двух вышеупомянутых книг. Впрочем, привлечены и некоторые дополнительные материалы — фрагменты из переписки Н. П. Кондакова, критические отзывы и результаты других исследователей.

Поездка Кондакова на Синай в 1881 г. имела, по его словам, «своею целью специальную, чисто археологическую задачу. Мы предположили себе лишь один пункт — самый монастырь св. Екатерины на горе Синае, с осмотром его памятников древности и художественно украшенных рукописей его библиотеки, а также изготовлением по возможности верных фотографических снимков» (1, с. I). Последняя задача возлагалась на спутника Н. П. Кондакова — известного фотографа Рауля, который после поездки сделал специальный альбом видов монастыря и снимков наиболее интересных произведений искусства [3].

По возвращении с Синая Кондаков, естественно, стремился опубликовать собранные им материалы. Интересна история этой публикации [4]. Первоначально Кондаков собирался напечатать только описание самого путешествия в журнале «Вестник Европы». Редактор журнала А. Н. Пыпин попросил, чтобы Никодим Павлович больше уделил внимания научным результатам поездки. «Путешествие ученого,—писал он Кондакову, — должно же чем-нибудь отличаться от путешествия обыкновенного туриста» (4, л. 5 об.). Более того, Пыпин подчеркнул: «Главнейший пункт моего интереса к Вашему путешествию заключался в Ваших ученых работах и изобретениях и т. к. о них нельзя же было говорить ex abrupto (без предисловия. — *И. И.*), то я полагал, что сведению о них должны были бы предшествовать «несколько слов» о поездке» (4, л. 3 об.). Это предположение показалось Кондакову слишком смелым — он считал, что его материалы представляют только узкопрофессиональный интерес и потому не годятся для публикации в таком журнале, как «Вестник Европы», рассчитанном на самые широкие круги читателей (4, л. 8—9). «Печатание же очерка о своей поездке в «В. Е.», — замечает Кондаков, — имело для меня большой интерес, как выдача своего рода литературного паспорта, — которым надо заручиться при удобном случае» (4, л. 9). Поэтому Никодим Павлович предпочел опубликовать свои синайские материалы в «Записках Императорского Новороссийского университета» (т. XXXIII), который в том же 1882 г. издал их отдельной монографией [5].

«Путешествие на Синай» делится на две части. Первая часть — это рассказ о поездке со множеством интересных наблюдений и метких характеристик, а вторая — описание древностей обители, памятников, наиболее ценных с точки зрения специалиста-археолога.

С первых страниц своей книги Кондаков передает ту особую, не привычную для него обстановку, в которой он оказался: «далекий Восток все еще остается местностью свежею, мало тронутою исследованием, и европейский путешественник неизбежно превращается в наивного паломника, подчиняется совершенно чуждой обступившей его среде» (1, с. II). Со смешанным чувством некоторой робости и вместе с тем ненасытимой жажды исследований говорит он о том, что «в Синайском монастыре... древность и ее памятники еще остаются в своей собственной родной обстановке, и путешественник не находит здесь ни различных приспособлений, специально на него рассчитанных, ни готового материала, ассортированного для разных степеней его любознательности» (1, с. II).

Поездка на Синай далась Кондакову нелегко, по возвращении он писал В. В. Стасову: «путешествие мое было столь тяжко в эту позднюю для Синая пору года, что и вспоминать не хочется» (5, л. 2). Впрочем, исследовательская жилка, стремление познавать новое, трудиться ради пользы науки с лихвой компенсируют все трудности этого путешествия: «эта самая необходимость искать, открывать самому, блуждать, рискуя найти то, чего не искал и что оказывается более интересным и поучительным, и составляет ту заманчивую прелесть путешествий по Востоку, которая кроется в присущей человеку черте дорожить лишь тем, что дорого и с трудом достается, как собственная работа» (1, с. III). Неутомимый путешественник в эту поездку собирался посетить и другие достопримечательные места на Востоке, и лишь недостаток средств, а не дорожные трудности заставили его после посещения Синая вернуться на Родину (5, л. 2 об.).

По дороге из Суэца на Синай Н. П. Кондаков, как и многие другие паломники, невольно задумывается над вопросами библейской географии, связанными с этими священными местами. Чувствуется, что эта область далека от его непосредственных научных интересов, но природное здравомыслие и беспристрастие ученого помогают

ему занять верную позицию. Он замечает, что «самая произвольная, отчаянная путаница овладела теперь важнейшим вопросом о библейских именах... вершин, хребтов и долин» (1, с. 48). Мнения ученых, посещавших Синай, Кондаков делит на две группы. Одни из них — епископ Порфирий (Успенский), Фр. Штраус, К. Тишендорф — «опираются на предании, притом предании христианском». Другая партия — Лепсиус, Бругш, Эберс — «подвергает сомнению все общепризнанные пункты и в личных наблюдениях ищет основания для непреложных определений» (1, с. 48). Сам Кондаков склоняется к первой группе: «не решая вопроса... заметим, однако же, что прежде чем разрушать или оспаривать предание, должно его во всех подробностях изучить — таков прием современной науки» (1, с. 49). В этом Кондаков оказывается солидарным с другим нашим ученым, архимандритом Антонином (Капустиным), посетившим Синай в 1870 г. (см. 10, с. 327). Впрочем, Никодим Павлович далек от того, чтобы формулировать собственные суждения по этим вопросам; как правило, он просто вносит в свои описания изрядную долю скептицизма: «мы побывали в финиковых садах — мнимых садах Моисеевых (будто бы библейский Элим), где текут теплые серные ключи и где больной Аббас-паша вздумал было выстроить себе дворец и лечебницу, да умер, не кончивши. Ручьи, хотя их и не двенадцать, как было в Элиме, обильны и поддерживают богатую растительность, они вытекают из подошвы известковых скал» (1, с. 21).

Если вопросы библейской географии — область для Кондакова чуждая, то его описания природы Синая привлекают своей красочностью и остротой восприятия. При первом впечатлении Синай показался ему безжизненной пустыней: «море кругом было так тихо, как будто застыло; красно-желтые каймы берега слева только изредка прерываются оврагами или трещинами, образовавшимися от текущих здесь в сезон дождей ручьев; местами в этих ложбинах видны были темнеющие пятна жалкой растительности: так представляется с моря Синайский полуостров. Справа один прокатившийся на далекое пространство хребет Атаки, отвесный и мрачный, без излучин и вершин, ровный и угловатый, немало способствует общему тону уныния и мертвенности» (1, с. 14). Это тягостное впечатление однако вскоре рассеивается; тонкий художественный вкус Кондакова позволяет ему оценить своеобразную красоту пустыни: «пустыня Эль-Каа казалась при утреннем освещении более красивой и величавой, чем другие виденные нами места... Воздух ясный и чистый до того, что горы, начинавшиеся от нас с лишком в 8 часах расстояния, казались так близко — хоть рукою подать; дышалось легко и свободно, и верблюды, сопя и нюхая, шли бойко, как-то шурша по причесанному последним ветром песку. Как будто море разлилось и застыло, рассыпавшись сперва мелким, дробным прибоем! Я не мог не сравнить этих гофрированных драпировок пустыни с прическою ассирийских царей и бахромою их одежд» (1, с. 25).

В это своеобразие синайской природы органично вписывается облик «сынов пустыни» — кочевников-бедуинов. Вот как описывает их Кондаков: «неловкая, даже неуклюжая фигура, с обезьяньими плоскими ногами, с резкими чертами лица, неприятно худая и изможенная, одетая в какие-то коленкоровые лохмотья вместо рубашки и черный плащ — вот каким увидали мы синайского бедуина» (1, с. 28). С чувством удивления и нескрываемой симпатии пишет Кондаков о том, как хорошо приспособлены бедуины к трудностям пустынной жизни: «человек не может вынести того, что без труда сделает бедуин; верблюд от Тора в Синай идет два, три дня, а он — сутки; тому нужна тропа, а бедуин идет прямо... в этих высушенных... под тяжким трудом и лишениями развившихся натурах жизни было более, чем в итальянце... неизменно веселое настроение духа, лад и дружба этих отрепанцев — все располагало с первого шага в их пользу» (1, с. 29).

Столь же интересны и колоритны описания Кондаковым внешнего вида Синайского монастыря: «громадный по размерам своим стен и по монументальности их гранитной кладки, четыреугольный ящик как бы опущен сверху в глубину ущелья... вид стен тем эффектнее, что все внутренние здания почти не выступают над ними, и... весь ансамбль удивительно гармонирует с архитектурою самих гор» (1, с. 34—35). Внутри обители крайне тесно из-за обилия всякого рода пристроек, надстроек, многочисленных келий. «Внутренность монастыря, — замечает Кондаков, — подобна люку, заваленному кипами товаров; ...путешественнику несколько дней требуется, чтобы найтись в этом лабиринте» (1, с. 36). Это отсутствие комфорта в обители Кондаков считает одной из форм местного подвижничества. «Синайское монашество, — пишет он, — устраивается как-то временно, мало заботясь о будущем и о своем удобстве... еще более понятным становится здесь аскетизм, возникающий прежде всего из небрежения жизни, которая в подобных тяжких условиях перестает быть самым доро-

гим даром для человека» (1, с. 36—37). В то же время седая древность обители, дух отрешенности от всего земного, обыденного внушают ему чувство благоговейного почтения: «развалины древних зданий тем величественнее нам кажутся... чем менее суетится около них повседневная жизнь» (1, с. 37).

На этом кончается первая, «общая» часть монографии Кондакова, посвященная его впечатлениям паломника, и начинается вторая, «специальная» часть, где Никодим Павлович излагает результаты осмотра им древностей Синайской обители.

В этой части интересно прежде всего описание внешнего вида соборного храма Преображения. Меткий глаз археолога сразу же схватывает самое главное: «массивные стены базилики из тесаного, золото-коричневого гранита просты и лишены всяких украшений; одно узкое окошечко западного фаса в форме креста да две пальмы, исполненные барельефами по сторонам, напоминают церкви центральной Сирии и Грузии» (1, с. 38). Кондаков, как и епископ Порфирий (Успенский), считает, что соборный храм был построен при Юстиниане (1, с. 69). Он видит сходство этой базилики с церковью Аполлинария во Флоте в Равенне (1, с. 70). Подробно описан им и внутренний вид храма с его многочисленными колоннами, плоским потолком и абсидами в алтарной части. С вполне понятным для археолога чувством некоторого разочарования он отмечает: «напрасно... ожидали бы мы встретить внутри церкви драгоценные древности: все... пошло в разные времена на выкуп монастыря от хищничества арабов и турок» (1, с. 38). Почти все, что украшает интерьер собора, датируется XVII—XVIII вв. Сюда относится невысокий иконостас (1672 г.) с иконами работы Иеремии Критянина (1612 г.), который видел епископ Порфирий (13, с. 242—266) и который ко времени путешествия Кондакова был надстроен 2 рядами небольших по размерам праздничных икон (1, с. 70). Сюда относятся и многочисленные иконы Афонского и Московского письма, развешанные по стенам базилики и ее многочисленных приделов. К этой же эпохе относятся амвон и балдахин над престолом, инкрустированные перламутром и черепаховой костью, вызвавшие в свое время восхищение епископа Порфирия (13, с. 165).

Ризница монастыря не произвела на Кондакова особого впечатления, вероятно, потому что он не видел всех ее сокровищ. В Синайской обители в этом отношении существует строгий порядок — ризница недоступна никому, даже игумену-архиепископу, и один только скевофилакс, т. е. ризничий, знает «число и стоимость» монастырских сокровищ (13, с. 207). А. А. Дмитриевский сообщает, что из наших паломников только В. Н. Бенешевич «в присутствии всего собора старцев бегло посмотрел эту ризницу, но подробности его осмотра нам неизвестны» (9, л. 12 об.).

Из интерьера соборного храма наибольшее внимание Кондакова привлекла кипарисовая резная дверь, ведущая из притвора в храм. Кондаков подробно описывает эту дверь (см. 1, с. 71—75), в ней он видит «образец византийской резьбы, в которой пластика отрешается от своих существенных черт и переходит в живопись, это есть резьба в глубь контуров, причем все изображение и самая доска сохраняют свою поверхность и ни одна не выступает над нею рельефом» (1, с. 72). Ученый датирует ее VIII—IX в. (1, с. 38), эпохой, «непосредственно следующей за иконоборческим периодом, когда орнаментальное искусство, усвоенное по преимуществу скульптуре, резьбе на драгоценных металлах, по дереву и слоновой кости, было еще сильно и свежо» (1, с. 74). Кондаков сопоставляет эту дверь с дверью церкви св. Сабины в Риме, которую он до этого тщательно изучил и о которой сделал блестящий доклад в Риме (11, с. 97; 12, с. 11). Он отмечает, что синайская дверь сохранилась лучше римской: «при крайней сухости климата кипарисовое дерево, из которого сделана дверь, сохранило крепость и плотность, тогда как рухлость кипарисовой двери в базилике св. Сабины в Риме была причиной многих переделок с V—VI века» (1, с. 75).

Следующий большой раздел своей монографии Кондаков посвящает исследованию знаменитой мозаики соборного храма Синайской обители. Анализ ее являлся одной из тех двух задач, ради которых археолог и предпринял поездку на Синай: «специальною задачею нашею было личное обозрение греческих рукописей с миниатюрами и известной мозаики Преображения» (1, с. III—IV).

По описанию Кондакова можно ясно представить себе, какие именно части храма украшены мозаикой:

1) «полукруглый свод абсиды... с картиною Преображения и каймою из серебряных медальонов на пурпурно-фиолетовом фоне, содержащих погрудные изображения пророков»;

2) «оба полупаруса стены...; по углам — два серебряные... медальона с погрудными изображениями, как считает Кондаков, Божией Матери и Иоанна Крестителя [6], а над ними два ангела, летящие с венками»;

3) «две картины под потолком... изображающие Моисея перед Купиною и Моисея же, приемлющего скрижали» (1, с. 77).

Картины с Моисеем и изображения ангелов Кондаков считает позднейшей работой, не оставившей и следов от древнего оригинала (1, с. 78—80), но сама мозаика Преображения с окаймляющим ее бордюром из медальонов, по его мнению, является памятником раннего византийского искусства.

С такой же обстоятельностью описывает Кондаков расположение медальонов: «по нижнему поясу кайма содержит 17 медальонов с изображениями 4 больших и 12 малых пророков с Давидом в центре; по кайме расположены 12 медальонов с апостолами по сторонам золотого, равноконечного креста в кругу; наконец, в углах сходящихся кайм находятся медальоны Иоанна, диакона (слева) и Лонгина, игумена (справа)» (1, с. 82).

Н. П. Кондаков подробно анализирует изображения мозаики Преображения и медальонов, сопоставляя их с мозаикой церкви св. Виталия в Равенне и с миниатюрами рукописей V—VI в. из Ватиканской и Туринской библиотек (1, с. 83—91). В результате он делает вывод, что синайская мозаика, «покидая античные, символические формы», пошла «по пути исторического направления живописи, установившегося в VI—VII столетиях», хотя она «далеко не достигает ни той схематической манеры, ни тех художественных приемов, которыми отличается византийский стиль IX—X столетий» (1, с. 87, 92).

Особое внимание Кондаков уделяет датировке изготовления мозаики и связанной с ней датой построения самого соборного храма (1, с. 95—98). Он считает, что храм построен между 548 и 565 гг. (то есть когда скончалась императрица Феодора, но еще был жив император Юстиниан) [7], а мозаика — более позднего происхождения, скорее всего, начала VII века. Это мнение подверглось впоследствии критике проф. В. Н. Бенешевича (7, p. 153), который определял дату окончания мозаики 565—566 гг. (7, p. 171).

Следующая задача, которую ставил перед собой Кондаков, состояла в просмотре рукописей монастырской библиотеки. Хотя его цель состояла в том, чтобы исследовать только греческие рукописи с миниатюрами, однако в процессе работы ученому пришлось просмотреть все греческие манускрипты, и он особо отметил «те рукописи, которые показались... наиболее заслуживающими внимания или не упомянуты архимандритом Антонином» (1, с. 100), составившим в 1870 г. каталог греческих рукописей Синайского монастыря [8]. 99 манускриптов были отмечены Кондаковым и снабжены им предельно краткими комментариями. Из них сведения о 31 рукописи приводятся в «Описании...» епископа Порфирия, изданном под редакцией В. Н. Бенешевича [9]. Если говорить об общем впечатлении, которое оставила у Н. П. Кондакова библиотека Синайского монастыря, то она, по его отзыву, уступает лучшим библиотекам Европы, ибо «не представляет ничего равнозначительного ни Россанскому кодексу Евангелий, ни Ватиканскому списку Космы Индоплова, ни даже Евангелию монаха Рабулы Лаврентианской библиотеки. Тем менее можно сравнить Синайскую библиотеку греческих рукописей, хотя наиболее численную после ватиканской, с роскошною по составу национальной библиотекой Парижа» (1, с. 119). Однако Синайские греческие рукописи, по мнению Кондакова, имеют свою ценность и прежде всего — для изучения палеографии периода с VII до середины IX в. (1, с. 118).

Верный своей теории «влияний», Н. П. Кондаков делает заключение, что почти все древнейшие греческие рукописи Синая, принадлежащие к VII—IX вв., имеют элементы «арабского» стиля: «многие из них снабжены или арабскими оглавлениями и глоссами, или даже писаны на двух языках. Самая скоропись греческих манускриптов VII—IX в. заимствовала много от письма арабского, как и формы рукописей, сорты пергамена, размеры букв стали в тесную зависимость от связей с магометанским миром» (1, с. 121). Это время ученый определяет как наименее благоприятную эпоху для миниатюр: «едва-едва оглавления пишутся киноварью, да простая ленточка отделяет главы» (1, с. 121).

Вместе с тем уже в VIII — середине IX в. появляется новое художественное направление миниатюры, связанное с развитием декоративного орнамента: «иллюстрация... не предлагая уже обычных иконописных или «исторических» миниатюр, состоит из различных заставок, инициалов, виньеток и пр., непременно фигурных и иллюминованных красками» (1, с. 125). Пример таких рукописей в Синайской библиотеке — экземпляры «Лествицы» №№ 417 и 421, а также «хоривское» Евангелие № 213 (1, с. 126—127).

Рукописи более поздние — XIII—XIV вв. — интересны «уже не столько самими миниатюрами, сколько по орнаментике; первые совершенно помертвели, а во второй

еще сохранилась жизнь, и голубые разводы в заставках этих рукописей, растительные побеги, львиные маски и пр., как и фигурные инициалы в звериных и фантастических формах, могут еще служить доказательством силы греко-восточных художественных преданий» (1, с. 132). Таковы рукописные Евангелия №№ 157, 170, 240 и другие.

Рукописи XIV—XV ст., по мнению Кондакова, интересны тем, что в них «разложение византийского шаблона дало возможность прорваться наружу местным, народным элементам» (1, с. 133). Пример такой рукописи — Евангелие № 237.

Наконец, особо Н. П. Кондаков выделяет рукописи, выдающиеся по своим художественным достоинствам. Это прежде всего «Феодосиево» Евангелие № 240, которое он датирует X—XI в., а не VIII в., как епископ Порфирий (13, с. 130). Это также Книга Иова № 3 (XII век) с 24 миниатюрами. Сюда относится и «Христианская топография» Космы Индоплова № 1186 — копия XI в. древней рукописи V—VI в., замечательная по обилию миниатюр, поясняющих главным образом космографические теории Космы (1, с. 138—139). Наконец, особое восхищение Н. П. Кондакова вызывают иллюстрированные кодексы творений святого Григория Богослова, особенно рукопись № 339, о которой он еще до выхода в свет монографии о путешествии на Синай давал восторженный отзыв В. В. Стасову (5, л. 1—1об.). Особое внимание ученого привлекает выходная миниатюра и миниатюра к «Слову на Пасху» (1, с.149—151) [10].

Большой интерес у Н. П. Кондакова вызывала «менее замечательная в художественном отношении, но столь же любопытная по силе выраженного аскетизма» рукопись «Лествицы» XII в. № 418, характерная миниатюрами, наглядно изображающими различные добродетели и пороки (1, с. 153—155).

Таково в общих чертах содержание монографии Н. П. Кондакова, повествующей о его путешествии на Синай в 1881 г.

Рассмотрим вкратце другую работу Никодима Павловича, связанную с описанием Синайской и Афонской коллекций епископа Порфирия (Успенского). Этот труд, изданный в 1902 г. согласно завещанию епископа Порфирия, в основе своей представляет альбом фотолитографий с 23 рисунков, сделанных еще при жизни ученого-архипастыря художником Африкановым. Кондакову принадлежит сопроводительный текст к этому альбому. В нем он, с уважением отзываясь о епископе Порфирии и его ученых трудах вообще, отмечает его недостаточную компетентность в вопросах археологии (2, с 1). Этим и объясняются, по мнению Кондакова, недостатки издаваемого альбома:

1) случайность и непродуманность в отборе оригиналов для изготовления рисунков. В коллекцию икон епископа Порфирия, переданную согласно его завещанию в 1885 г. в церковно-археологический музей при Киевской Духовной Академии, входили 4 редчайшие энкаустические иконы, оригинальный и тоже очень редкий мозаичный образок Святителя Николая. Ни одна из этих икон не была скопирована для альбома (2, с. 2—3);

2) само изготовление рисунков, по мнению Кондакова, некачественно. Он имел возможность сравнивать рисунки с оригиналами и нашел, что «никакому снимку... доверять вполне нельзя» (2, с. 2);

3) отсутствие строго научного описания археологической коллекции епископа Порфирия, которое лучше всего было бы сделать самому коллекционеру (2, с. 1).

Далее Кондаков помещает краткое описание каждой из 16 икон Синайской и 7 икон Афонской коллекции. Из Синайского собрания заслуживает особого внимания его отзыв об иконе св. великомученика Пантелеимона. Эта икона — «одна из 5—6 важнейших Порфирьевского собрания — не ранее IX—X века». По словам Кондакова, она «имеет характер портрета в пределах античного понимания индивидуальности как типа и может считаться лучшим иконографическим ликом великомученика» (2, с. 16—17).

В заключение отметим, что труды Н. П. Кондакова о Синае безусловно обогатили нашу отечественную науку, но кроме того, они как бы приблизили к нам и показали через призму восприятия выдающегося русского ученого своеобразный облик древнейшей иноческой обители мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Биографические данные о Н. П. Кондакове почерпнуты из (12).

[2] Речь идет о представителях так называемой сравнительно-исторической школы во главе с академиком А. Н. Веселовским. О взаимоотношениях последнего с Н. П. Кондаковым и об общих чертах их творчества см. 11, с. 122—123.

[3] Синайский альбом Кондакова, содержащий, по одним данным — 100 (1, с. 157),

а по другим — 115 снимков (5, л. 8; 3, л. 1), сам ученый предлагал многим учреждениям, но в конце концов он попал в Императорскую публичную библиотеку в Петербурге (ныне — Государственная публичная библиотека им. Н. Е. Салтыкова-Щедрина) (см. 3, л. 1).

[4] Она извлечена из архивных материалов — переписки Н. П. Кондакова с А. Н. Пыпиным (4).

[5] Краткая рецензия этого труда Н. П. Кондакова и его место в творческом наследии ученого приводится в 11, с. 112—113.

[6] Кондаков приводит спорные мнения по вопросу о том, кто изображен в этих медальонах — 1) Юстиниан и Феодора (ряд ученых); 2) Моисей и св. Екатерина (Эберс — G. Ebers. Durch Gosen zum Sinai. Leipzig, 1872); 3) Иоанн Креститель и Богородица (проф. С. Усов). Сам Кондаков придерживается третьего мнения (1, с. 81).

[7] Это мнение совпадает с выводами современных зарубежных ученых (16, p. 92). Впрочем, Кондаков не отвергает мнение еп. Порфирия, считавшего 551 год датой построения храма (14, с. 82—86).

[8] О последующей судьбе каталога архимандрита Антонина см. 10, с. 331.

[9] Это рукописи №№ 1, 2, 55, 69, 152, 175, 204, 213, 220, 231, 234, 239, 302, 319, 342, 410, 437, 448, 456, 500, 522, 595, 754, 968, 1117, 1121, 1186, 1191, 1216, 1220, 1221 (15, указатель V, с. 658—660).

[10] Интересно, что спустя 80 лет эти же миниатюры вызвали наибольший интерес у американского профессора Вайцмана (K. Weitzmann), посетившего Синайский монастырь в составе научной экспедиции (17, с. 124—125).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Кондаков Н. П.* Путешествие на Синай в 1881 году. Одесса, 1882.
2. *Он же.* Иконы Синайской и Афонской коллекций преосв. Порфирия, издаваемые в лично им изготовленных 23 таблицах. СПб., 1902.
3. *Он же.* Письма А. Ф. Бычкову. ОР ГПБ, Ф. 120, № 799.
4. *Он же.* Письма А. Н. Пыпину. ОР ГПБ, № 621, № 409.
5. *Он же.* Письма В. В. Стасову. ОР ГПБ, Ф. 738, № 158.
6. *Бенешевич В. Н.* Памятники Синая археологические и палеографические. Вып. 1. Л., 1925.
7. *Он же.* Sur la date de la mosaïque de la Transfiguration au Mont Sinaï. Byzantion. 1924, tome 1, pp. 145—172.
8. *Дмитриевский А. А.* Научное описание греческих рукописей Синайского монастыря. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества, 1912, XXIII, вып. 2, с. 205—213.
9. *Он же.* Мнение по вопросу о Синайском кодексе Библии V в. ОР ГПБ-АДП, Ф. 253, № 188.
10. *Исаия* (Белов), иеромонах. Исследования архимандрита Антонина (Капустина) на Синае. Богословские труды, сб. 26, с. 326—333.
11. *Кызласова И. Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России. М., 1985.
12. *Лазарев В. Н.* Никодим Павлович Кондаков (1844—1925). М., 1925.
13. *Порфирий* (Успенский), архимандрит. Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 году. СПб., 1856.
14. *Он же.* Второе путешествие в Синайский монастырь в 1850 году. СПб., 1856.
15. *Он же.* Описание греческих рукописей монастыря святой Екатерины на Синае, т. 1. Под ред. В. Н. Бенешевича. СПб., 1911.
16. *Forsyth G. H.* Island of faith in the Sinai wilderness. National Geographic, 1964, vol. 125, N 1, pp. 82—108.
17. *Weitzmann K.* Mount Sinai's holy treasures. Ibid, p. 109—127.